

«КОТОВСКИЙ»

Сценарий телевизионного художественного
восьмисерийного фильма

4 СЕРИЯ: «ХОЖДЕНИЕ В ПОЛИТИКУ»

4.1. НАТУРА. БЕССАРАБИЯ, СТЕПЬ У ХУТОРА. ЗИМА. ДЕНЬ.

Ч/б.

Титр: «Бессарабия, Южнее Бендер. Январь 1918 года»

Зильберг в шинели с погонами полковника и Чеманский в форме капитана на лошадях въезжают в хутор. За ними – входит отряд пехоты. Слышны раскаты артиллерийской канонады. На центральной улице следы прошедшей воинской колонны – грязный снег, обрывки бинтов, обломки ящиков. На въезде на хутор – трупы членов отряда самообороны. Судя по положению тел, они были расстреляны. Над телами причитают женщины. В стороне стоит пожилая крестьянка. Зильберг останавливает рядом с ней коня.

ЗИЛЬБЕРГ

Кто это их?

КРЕСТЬЯНКА

Большевики от вас уходили, пустите, говорят, через хутор. Мужики решили обороняться, не пускать никого. Много тут ходят. Румыны, австрияки, кого только нет. Того и гляди, дома пожгут. Ну, Котовский их...

ЧЕМАНСКИЙ

Кто?

КРЕСТЬЯНКА

Котовский с отрядом. Мужики их не пустили. Ну, они их – мужиков-то – кого порубили, а остальных, у кого оружие было, всех постреляли.

Зильберг и Чеманский отъезжают в сторону.

ЧЕМАНСКИЙ

Что ж это такое творится, Лёш?
Чтобы Гришка вот такое...

ЗИЛЬБЕРГ
«Что творится». Война гражданская,
вот что творится.

4.2. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ФАБРИКАНТА НАЗАРОВА. ДЕНЬ.

Выход в цвет.

ТИТР: «Кишинёв. Август 1906 года».

В гостиной фабриканта Назарова за столом чинно сидят Котовский, Руф и Кицес. Перед ними стоят чашки с чаем. С другой стороны стола – девушка в платье гимназистки. Это дочь Назарова. Девушка очень хорошенькая, и очень нравится гостям.

РУФ
Скажите, барышня, а что, ваш папа часто вот так опаздывает после работы? Час сидим, даже неудобно.

ДОЧЬ НАЗАРОВА
Да ничего, ничего. Он всё деньги свои, наверное, пересчитывает. А вы к нему по какому делу?

РУФ
М-м... По части благотворительности. Помощь бедным.

КОТОВСКИЙ
А отчего вы так презрительно сказали о деньгах?

ДОЧЬ НАЗАРОВА
Я презираю деньги. И эту работу его тоже. Сейчас вон, что происходит. Революция! Такие люди! Приносят себя в жертву ради свободы! Я в прошлом году была в Одессе, когда броненосец обстреливал город! Это такой восторг! Впрочем, я не знаю, можно ли вам такое говорить...

КОТОВСКИЙ
«Предстоит долгая борьба и ряд индивидуальных коллективных возмущений против властей, против нынешней формы владения собственностью, нужны личные

жертвы, местные революции... Я убедился, что люди ценят личную свободу гораздо выше, чем личное благосостояние».

ДОЧЬ НАЗАРОВА

Вы читали Кропоткина? Тогда вы меня поймёте! Нехорошо ненавидеть своего отца. Но он ничем не лучше грабителя, бандита с большой дороги! Человек, который думает только о деньгах, омерзителен!

КИЦЕС

Это вы зря. У меня много знакомых – тоже интересуется деньгами. Так вполне себе приличные люди.

Помрачневший Котовский поднимается.

КОТОВСКИЙ

Вы знаете, мы не станем больше ждать.

ДОЧЬ НАЗАРОВА

Что передать папе...?

КОТОВСКИЙ

Что мы тоже интересуемся деньгами.

4.3. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ДОХОДНОГО ДОМА С НОМЕРАМИ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

На улице неприметный господин прогуливается по тротуару, поглядывая на окна доходного дома, где в номерах живёт Котовский. Он видит подъехавшую к дому пролётку Афанасьева и появившегося из неё Котовского и отступает за угол. Котовский входит в дом.

4.4. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, НОМЕРА, КОМНАТА КОТОВСКОГО. ДЕНЬ.

В номерах Антонина спрашивает вошедшего Котовского.

АНТОНИНА

Гриш, ну как?

Котовский одетым падает на кровать.

КОТОВСКИЙ

Да никак. Клиент не появился.
Обрыдло всё.

Антонина приманивается рядом с Котовским.

АНТОНИНА
И я тоже?

КОТОВСКИЙ
Кто о чём.

АНТОНИНА
Гриш, какой ты умный. И красивый.
Ты меня хоть немножко любишь?

КОТОВСКИЙ
Чего надо?

АНТОНИНА
Пойдём куда-нибудь? Я в театр хочу.
Чтобы в платье нарядном. А?

Котовский молчит, глядя в потолок.

4.5. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ. ДЕНЬ.

Дверь в кабинет Левендаля открывается, на пороге –
Зильберг.

ЗИЛЬБЕРГ
Позвольте войти, господин
полковник?

ЛЕВЕНДАЛЬ
Да, конечно.

Подойдя с папкой к столу начальника, Зильберг.

ЗИЛЬБЕРГ
Сводка за последние дни. Ничего
чрезвычайного. Несколько нападений
на усадьбы помещиков, поджоги. По
нынешним временам – затишье. Вот
ещё телеграмма.

Левендаль пробегает телеграмму.

ЛЕВЕНДАЛЬ

По данным агентуры... в Кишинёв...
прибыл Вайнер... активный участник
харьковской организации
социалистов-революционеров. И что?
Одним эсером больше, одним меньше.

ЗИЛЬБЕРГ

Сейчас мы его ищем. Кстати, в своё
время я хорошо его знал.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Знаете, для жандарма у вас какой-то
странный подбор старых знакомых.
Котовский, теперь этот, Вайнер?

ЗИЛЬБЕРГ

Что поделать – поколение смутного
времени, господин полковник.

4.6. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ВХОДА В ТЕАТР. ЛЕТО, НОЧЬ.

Котовский во фраке помогает Антонине в вечернем платье
выйти из пролётки. Сидящий на козлах Афанасьев одобрительно
комментирует.

АФАНАСЬЕВ

Хороша у тебя нынче барышня,
Григорий Иванович.

КОТОВСКИЙ

Барышни в номерах остались. А это –
дама.

Антонина пренебрежительно сообщает Афанасьеву.

АНТОНИНА

Деревня.

АФАНАСЬЕВ

Что есть, то есть. Мы гимназиев не
кончали.

Антонина и Котовский с достоинством идут ко входу в театр.
С расстояния за ними наблюдает из пролётки тот неприметный
господин, который следил за Котовским у его дома.

4.7. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЕАТР, ФОЙЕ. НОЧЬ.

Котовский с Антониной идут по фойе театра.

АНТОНИНА

Господи, как же красиво! Гриш, в буфет пойдём?

КОТОВСКИЙ

Ты чего, есть сюда пришла? И так опоздали, уже действие началось.

4.8. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЕАТР, СЦЕНА. НОЧЬ.

Ромео и Джульетта на сцене театра.

ДЖУЛЬЕТТА

И я б могла казаться равнодушной,
Когда б ты не застал меня врасплох
И не послушал бы моих признаний.
Прости ж меня, прошу, и не считай
За легкомыслие порыв мой страстный
Который ночи мрак тебе открыл.

РОМЕО

Клянусь тебе священной луной,
что серебрит цветущие деревья...

ДЖУЛЬЕТТА

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто
Чтоб и твоя любовь не изменилась.

Анна в ложе рядом с Чеманским внимательно слушает сцену, которую когда-то они читали с Чеманским.

4.9. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА РОДСТВЕННИКОВ АННЫ. НОЧЬ.

Анна в гостиной, где только что были друзья.
На столе ещё остались чашки с чаем и карты.
Чеманский положил локти на подоконник, а лицо – на руки.
Сжав горло, Анна пытается придти от испуга в себя.
Чеманский тихо и нежно говорит слова Ромео.

ЧЕМАНСКИЙ-РОМЕО

Клянусь тебе священной луной,
что серебрит цветущие деревья...

АННА-ДЖУЛЬЕТТА

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто
Чтоб и твоя любовь не изменилась.

4.10. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЕАТР, ЛОЖА. НОЧЬ.

В ложе, противоположной той, в которой сидят Анна и Чеманский, в темноте выделяется фигура во фраке. Это Котовский, с ним рядом – Антонина в НОЧЬнем платье. Котовский и Анна с Чеманским пока не замечают друг друга. Котовский слушает диалог Ромео и Джульетты. Как и Анна и Чеманский, он вспоминает давнюю сцену.

4.11. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА. ЛЕТО, НОЧЬ.

Котовский, дрожа от напряжения, держит стоящего у него на плечах Чеманского.

Чеманский сбивается. Котовский подсказывает другу.

КОТОВСКИЙ

Так чем поклясться?

ГОЛОС ЧЕМАНСКОГО-РОМЕО

Так чем поклясться?

ГОЛОС АННЫ-ДЖУЛЬЕТТЫ

Вовсе не клянись.

Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой – души моей кумиром, –
И я поверю.

Чеманский ногой толкает Котовского.

КОТОВСКИЙ

Если чувство сердца...

ГОЛОС ЧЕМАНСКОГО-РОМЕО

Если чувство сердца...

Зильберг, которому надела эта лирика, неторопливо подходит и дёргает Котовского за ногу. Котовский теряет равновесие и начинает медленно падать.

ГОЛОС ЧЕМАНСКОГО-РОМЕО

Берёза! Берёза!!! Держи меня! Куда
ты!

4.12. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЕАТР, ЛОЖА. НОЧЬ.

Хотя финал предыдущей сцены был комическим, на лице Котовского нет улыбки – заметив в противоположной ложе Анну, он, не отрываясь, смотрит на неё.

Анна и Котовский смотрят друг на друга.
Чеманский смотрит на сцену с ничего не выражающим лицом.
Антонина очень старается не смотреть на Котовского и Анну.
В углу зала среди зрителей – неприметный господин, следящий за ним.
В памяти Котовского – другая, совсем недавняя сцена.

4.13. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ЧЕМАНСКОГО, ПРИХОЖАЯ. НОЧЬ.

В прихожей квартиры Чеманских Котовский с охапкой роз с остановившимся лицом слушает слова Анны.

ГОЛОС АННЫ

Нет уже Гриши Котовского, которого
мы знали! Забудь его! Есть бандит!
Понимаешь, бандит, мерзавец,
которому руки не подают! Которого
ищет полиция!

4.14. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЕАТР, ЛОЖА. НОЧЬ.

В театре Анна и Котовский смотрят друг на друга через зал.
Тем временем на сцене Джульетта и Ромео продолжают свой диалог.

ДЖУЛЬЕТТА

Но стовор наш ночной мне не на радость.
Он слишком скор, внезапен, необдуман –
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О, милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье тёплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!
В своей душе покой и мир найди,
Какой сейчас царит в моей груди.

Котовский не выдерживает – резко встав, он выходит из ложи.
Антонина торопится вслед за ним.
Когда они исчезают в темноте ложи, в зале поднимается
фигура следящего за Котовским господина. Он тоже выходит из
зала.

4.15. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ВХОДА В ТЕАТР. ЛЕТО, НОЧЬ.

Котовский и Антонина выходят из театра. Афанасьева с его пролёткой у подъезда нет. Антонина молча идёт прочь.

КОТОВСКИЙ

Антонина! И Васьки нет! Тонь, куда ты! Ну, и чёрт с тобой!

Котовский идёт в противоположную сторону.

Ведущий наблюдение за Котовским господин выходит из театра. Мимо него проходит молодой человек в мундире студента. Господин что-то негромко говорит студенту, едва заметным кивком указав на спину Котовскому. Студент следует за Котовским.

Господин садится в пролётку - на козлах сидит сонно-неторопливый извозчик - и на расстоянии медленно следует за ними.

4.16. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА. ЛЕТО, НОЧЬ.

Котовский неторопливо идёт по вечерним улицам.

Студент идёт за ним.

Через некоторое время студент, проходя мимо глазающего на витрину магазина мужичка ремесленного вида, бросает ему в затылок неслышную для посторонних фразу. Студент останавливается у витрины - мужичок отправляется за Котовским.

Когда медленно следовавшая за ними пролётка проезжает мимо студента, тот на ходу садится в неё. Пролётка сворачивает в переулок.

Котовский размеренно идёт по улице. Его обгоняет пролётка. Котовский поднимает руку.

КОТОВСКИЙ

Извозчик!

Котовский садится в пролётку.

КОТОВСКИЙ

К театру!

Пролётка трогается.

На козлах - кучер, который сопровождал человека, наблюдавшего за Котовским.

Пролётка едет по улицам.

С двух сторон в пролётку запрыгивают студент и мужичок, которые вели наблюдение за Котовским. У обоих в руках револьверы. Котовский смотрит на них без испуга, как смотрел бы на уличную торговку цветами.

СТУДЕНТ

С вами хотят поговорить. Мы не из полиции, так что не бойтесь.

КОТОВСКИЙ
Я - не боюсь.

Пролётка продолжает ехать по улицам города.

4.17. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ДОХОДНЫЙ ДОМ, ГДЕ НАХОДИТСЯ
КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЭСЕРОВ, ЛЕСТНИЦА. НОЧЬ.

Студент и мужичок ведут Котовского по тёмной лестнице дешёвого доходного дома. Подойдя к одной из дверей, студент делает два звонка. Хотя за дверью не слышно ни звука, он после паузы говорит.

СТУДЕНТ
Марфа Поликарповна здесь живёт?
Акушерка?

Дверь открывается - на пороге стоит мужчина лет тридцати пяти. Он молча кивает пришедшим и жестом приглашает их пройти.

4.18. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЭСЕРОВ.
НОЧЬ.

Конспиративная квартира эсеров обставлена с аскетической простотой жилища русских интеллигентов начала 20 века - простые стулья, дощатый пол, на стенах - только простенькие гравюры.

Котовский в сопровождении своих спутников и мужчины, открывшего им дверь, входят в гостиную.

За столом сидят почти не изменившийся, такой же толстый, как и раньше, Вайнер и ещё двое эсеров Дорончан и Пушкарёв. На столе самовар, чай и весьма скромное угощение - варенье в стеклянной вазочке, сушки, колотый сахар.

Вайнер встаёт и идёт навстречу Котовскому.

ВАЙНЕР
Ну что, Гриш, добрый вечер?

КОТОВСКИЙ
Желудок! Какими судьбами?

Вайнер слегка морщится. Они обнимаются.

ВАЙНЕР
Это товарищи Дорончан и Пушкарёв.
Мои товарищи, надеюсь, станут и
твоими тоже.

4.19. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ДОХОДНОГО ДОМА ГДЕ НАХОДИТСЯ
КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЭСЕРОВ. ЛЕТО, НОЧЬ.

В сумраке горят огни папирос – студент и мужичок, привезшие Котовского на конспиративную квартиру эсеров, стоят на углах дома, просматривая подходы к дому. Поодаль стоит пролётка.

4.20. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЭСЕРОВ.
НОЧЬ.

Котовский и эсеры за столом продолжают разговор.

ДОРОНЧАН

Мы уверены, что вам близки идеалы нашей борьбы. Идеи справедливости, социализации земли, многое другое. Для нас будет полезен ваш опыт, так сказать, практических действий. Но и вы должны видеть – революция поднимается, и мы даём вам шанс стать в её ряды.

КОТОВСКИЙ

Спасибо, конечно, за доверие. Но по убеждениям я скорее анархист-коммунист, чем эсер.

Вайнер перехватывает разговор. С Котовским он принял снисходительный тон. По старой привычке с треском поглощая сушки и прихлёбывая чай, он учит.

ВАЙНЕР

Анархист! Что это за идеология такая, прости Господи – против государства бороться. У анархии нет будущего. Кстати, вот тебе номер газеты, здесь наша программы, утверждена на первом съезде партии – почитай. А вообще – хватит тебе разбойничать на большой дороге, хватит. Нравится, что тебя бандитом называют? Пора тебе, как говорили в старину, встать под руку настоящей революционной, политической организации.

Сам того не зная, Вайнер задел больное – Котовский каменеет лицом.

КОТОВСКИЙ

Это ты прав, разбойничать – дело весёлое, но не особо почётное. Только как бы нам потом лбами не столкнуться. Вы дело какое затеете – так у вас кровь рекой льётся. А на мне крови нет – вы это должны знать. Нет крови, и не будет.

Для эсеров заявление Котовского неприятная новость. Пушкарёв, сориентировавшись, торжественно заявляет.

ПУШКАРЁВ

Поверьте, Григорий, террор для нас не является целью. Это лишь крайне неприятное средство борьбы. Но пока мы вместе, на вас не упадёт ни одна капля крови.

4.21. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ДОХОДНОГО ДОМА, ГДЕ
НАХОДИТСЯ КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЭСЕРОВ. ЛЕТО, НОЧЬ.

Котовский выходит из подъезда дома. Оглядевшись, он подходит молча залезает в пролётку. Возница молча смотрит на него.

КОТОВСКИЙ

Поехали.

ИЗВОЗЧИК

Куда?

КОТОВСКИЙ

Откуда привёз.

4.22. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА ЭСЕРОВ.
НОЧЬ.

После ухода Котовского Дорончан и Пушкарёв вполне довольны итогами встречи с Григорием, Вайнер далёк от оптимизма.

ДОРОНЧАН

Ну что я могу сказать? Боевит, даже нахален. Но – обратили внимание – всё-таки робел. Было, было – робел. Не привык он к такому

оппонированию.

ПУШКАРЁВ

Я тоже заметил. Безусловно, тип весьма ограниченный. Не энциклопедист, безусловно. Но так ведь от него и требуется немного – стрелять и отнимать. Будет добывать для организации деньги – и на том спасибо.

Вайнер, машинально жуя сушку, пытается остудить товарищей по борьбе.

ВАЙНЕР

Не надо было насчёт крови обещать.

ДОРОНЧАН

Ничего, обвыкнется! Увидит, как мы действуем! Налёт на кассиров банка, это ему не ювелиров по квартирам щипать.

ПУШКАРЁВ

Классовая борьба есть классовая борьба, и он это сообразит. Из-за его чистоплюйства никто от наших методов отказываться не станет.

ДОРОНЧАН

Не хватало, чтобы бандит учил нас этическим принципам борьбы!

Вайнер хмуро предупреждает.

ВАЙНЕР

Он сочтёт, что его обманули.

ДОРОНЧАН

Не он первый введён в заблуждение ради революционной цели!

ВАЙНЕР

Может быть. Но другие не злятся так, как он. А я видел его злым.

4.23. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, НОМЕРА, КОМНАТА КОТОВСКОГО. ДЕНЬ.

Хмурые члены банды Котовского сидят на стульях. Антонина с ногами – на кровати. Котовский чувствует себя человеком, чей сюрприз не вызвал восторга.

КОТОВСКИЙ

Что вы упёрлись, как бараны! Я же в люди вас хочу вывести!

АФАНАСЬЕВ

С этими людьми водиться – как в крапиву садиться. Помяни моё слово – наплачемся, Гриш.

КОТОВСКИЙ

Вась, хватит! Мне твоя народная мудрость – вот тут, понял?!

КИЦЕС

Не знаю, как кто, а я уже раз на политике сторел – дед шил костюм для члена городской управы, ну и пока примерка, я у того часы спёр. Так боже ж ты мой, как меня били...

Видя закипающую ярость Котовского, Кицес отступает.

КИЦЕС

Молчу. Как скажешь, ты – атаман.

4.24. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦЫ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Котовский с беспечным видом прогуливается по улице. Он одет модным господином, с тросточкой в руке. Время от времени он оглядывает улицу.

На углу на козлах пролётки сидит Афанасьев.

На другой стороне улицы стоит Руф, одетый разносчиком, в картузе, с лотком какой-то еды.

К Котовскому подходят Берелёв и Кицес, одетые мещанами средней руки, оба – в пиджачных парах. Манерно держа в руке папиросу, Кицес негромко говорит Котовскому.

КИЦЕС

Осталось пять минут, Гриш. Где эти твои политические? Подведут, жлобы.

КОТОВСКИЙ

Не подведут. У них дисциплина. Смотрите, чтобы без пальбы. Слышь, Мишка, тебе говорю. По-тихому:

револьвер в морду, мешки с деньгами
взяли и – ходу.

БЕРЕЛЁВ

Да слышу я, слышу. Где всё-таки
эти, твои новые приятели?

КОТОВСКИЙ

Вон они, точно вовремя. На той
стороне. Не пялься ты так.

На другой стороне улицы появляются молодой человек, по виду
– молодой чиновник, с барышней под руку.
Котовский достаёт из жилета карманные часы и щёлкает
крышкой.

КОТОВСКИЙ

Сейчас должны деньги везти.

КИЦЕС

Опаздывают.

Руф на другой стороне улицы снимает картуз, отдуваясь,
обмахивается им и снова надевает.

БЕРЕЛЁВ

Едут.

КОТОВСКИЙ

Приготовьтесь.

Все трое неторопливо суют руки в карманы за револьверами.
Из-за угла улицы появляется пролётка, в которой сидят
кассир с мешками денег в ногах и двое полицейских по бокам.
Пролётка приближается.
Котовский и его люди направляются к краю тротуара.
В этот момент то же самое делает и молодой человек –
оставив девушку, он делает несколько шагов, у него в руках
появляется свёрток, который он, размахнувшись, бросает под
пролётку.
От взрыва вылетают стёкла в домах.
Лошадь Афанасьева рванула и понесла пролётку – он исчезает
за углом.
Лошадь в пролётке инкассаторов, путаясь и рвя упряжь,
бьётся в агонии на мостовой.
Мёртвый кассир лежит неподвижно на земле.
Полицейский с оторванной рукой катается в пыли, оставляя
кровавый след.

Второй полицейский, выхватив револьвер, стреляет во все стороны.

Рядом с Котовским от пули полицейского разлетается витрина. Кашляя от ядовитого дыма, Котовский со своими людьми и боевики эсеров бросаются с разных сторон к пролётке.

КОТОВСКИЙ

Мешки забирайте! Мешки!

Но они не успевают подобрать деньги – в это время раздаётся грохот копыт и свистки, выстрелы. С двух сторон улицы появляются конные и пешие полицейские.

КОТОВСКИЙ

Уходите!

Все бросаются врассыпную.

4.25. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦЫ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Котовский бежит в ближайший переулок. Свернув за угол, он оказывается в небольшом дворике, окружённом со всех сторон заборами. Сделав несколько шагов, Котовский напарывается на боевика эсеров, который бросал бомбу – юноша от неожиданности едва не стреляет в него.

КОТОВСКИЙ

Тихо ты! Мало тебе? Уже нашумели!

Позади в переулке слышны крики и топот.

ГОЛОСА

Туда! Туда они побежали!

Котовский и юноша бросаются бежать, но упираются в высокую кирпичную стену, огораживающую двор.

Котовский одним рывком перемахивает стену. Он готов спрыгнуть на землю, но, глянув вниз, понимает, что боевик не в состоянии последовать за ним.

КОТОВСКИЙ

Давай руку. Давай ты, быстрее!

Котовский одной рукой рывком вытягивает боевика на верх стены.

КОТОВСКИЙ

Прыгай! Прыгай, тебе говорят!

Поскольку юноша колеблется, Котовский резким толчком отправляет его вниз. Спрыгнув следом, он поднимает упавшего боевика на ноги. За стеной слышны голоса и звуки погони.

ГОЛОСА

Здесь должны быть! Лезь на стену, глянь, что там! А ты давай с той стороны, чтобы они не ушли!

Котовский и боевик торопливо выбегают в проходной двор. В подворотне они останавливаются – дальше улица. Выглянув на улицу, Котовский оглядывает боевика.

КОТОВСКИЙ

Отряхнись. Ага. Всё, разошлись. Я пошёл, ты – через минуту.

Котовский неожиданно ленивым прогулочным шагом выходит из подворотни и тут же останавливается, чтобы не столкнуться с пробегающим рысью мимо него нарядом полиции. Один из полицейских сапогом попадает в лужу, брызги летят во все стороны. Котовский брызгливо замечает вслед.

КОТОВСКИЙ

Осторожней! Нельзя же так! Несутся, как будто ограбили кого!

4.26. НАТУРА. КИШИНЁВ, ПАРК. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Котовский с Вайнером сидят на лавочке в парке. Вайнер напряжён, хотя пытается держать инициативу. Котовский неторопливо говорит ему, поглядывая по сторонам.

КОТОВСКИЙ

Передай своим товарищам, чтобы я боевиков этих ваших – больше в глаза не видел.

ВАЙНЕР

Гриш, ты подожди, я тебе объясню..

КОТОВСКИЙ

Ты мне ничего не объясняй. Что надо – я тебе сам скажу.

ВАЙНЕР

Да погоди ты, там же как вышло – не согласовали...

Котовский молча смотрит на Вайнера, и тот осекается.

ВАЙНЕР

Ну, хорошо – говори.

КОТОВСКИЙ

Я же как лучше хочу. Понятно, я привык делать по-своему вы – по-своему. Только душегубство – это ж не обязательно. Какая идея революционная не будь – людей-то зачем убивать? Ради чего?

ВАЙНЕР

Вот тут ты ошибаешься. Это грабить можно без душегубства. А идея – нет, идея, Гриша, крови требует.

КОТОВСКИЙ

Ну, и на хрена мне такая идея?

ВАЙНЕР

Тебе видней – ты же сам согласился, потому что надоело диким волком бегать, без цели, без смысла. А в политике – везде так, жизнь человеческая ничего не стоит. Что анархисту, что Государю императору Николаю Александровичу Романову – всё едино, о человеке думать некогда. И нам тоже.

КОТОВСКИЙ

У кассира – дети, небось, остались. А городской, которому руку оторвало – старый совсем был. Седой.

ВАЙНЕР

Я тебе о Человечестве, а ты мне о людишках – о кассирах да городских. Глупо. Глупо и несерьёзно, понял?

Котовский горестно кивает, задумчиво глядя перед собой.

КОТОВСКИЙ

Понял, понял.

Вайнер с облегчением поднимается и покровительственно похлопывает Котовского по плечу.

ВАЙНЕР

Вот и хорошо, вот и правильно. Так и решим – делать будешь, как мы тебе говорим.

Котовский неожиданно перебивает его негромким голосом.

КОТОВСКИЙ

Буду, буду. Эксами вашими заниматься – деньги экспроприировать, это я буду. Но дела делать я буду со своими ребятами. А если ещё кто-нибудь из ваших подвернётся с бомбами да револьверами – как бог свят, ноги вырву. Я тебя предупредил. Ты меня знаешь. Знаешь ведь?

Котовский поднимает глаза на стоящего перед ним Вайнера, и тот, сглотнув, автоматически отвечает сорвавшимся голосом.

ВАЙНЕР

Знаю, Гриш.

КОТОВСКИЙ

Вот и хорошо, что знаешь – со знакомыми-то дело иметь всегда легче и приятней. И не обманут.

Котовский встаёт и, в свою очередь покровительственно похлопав Вайнера по плечу, уходит.

Вайнер остаётся потерянно смотреть вслед Григорию.

4.27. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТРАКТИР. ДЕНЬ

Котовский и Афанасьев сидят за столом в трактире. Афанасьев дымит папирсой. Котовский морщится.

КОТОВСКИЙ

Погаси ты!

АФАНАСЬЕВ

Всё осмотрел. Значит, так...

Котовский останавливает его жестом – половой приносит поднос с едой.

Он ставит на стол – обычных размеров сковороду с яичницей из четырёх яиц перед Афанасьевым и здоровенную сковороду с глазуньей из двух джин яиц перед Котовским. Перед Афанасьевым возникает полуштоф с водкой, перед Котовским – стакан с чаем.

Афанасьев призывно наклоняет графинчик.

АФАНАСЬЕВ

Причастишься?

КОТОВСКИЙ

Знаешь ведь, что не буду.

АФАНАСЬЕВ

Я тоже, было время, не употреблял.
Вроде бы. Неясно помню. Ну-ка,
душа, посторонись, оболью.

Прижав ладошку к груди, Афанасьев прослеживает путь водки.

АФАНАСЬЕВ

Увернулась.

Котовский и Афанасьев принимаются за еду.

АФАНАСЬЕВ

Осмотрел я их хоромы. Горничная,
моя зазноба проводила показать, как
господа живут. Хорошо живёт его
благородие.

КОТОВСКИЙ

Он – сиятельство. Что увидел?

Афанасьев достаёт из-за пазухи сложенный вчетверо и не слишком чистый листок бумаги и передаёт Котовскому.

АФАНАСЬЕВ

Тут всё изобразил. Он, хозяин дома,
против тебя хитрость придумал.
Провода везде протянул, кнопки
поставил. Под столами, у пола. На
колонне я одну видал.

КОТОВСКИЙ

За каким лешим?

АФАНАСЬЕВ

Мы появимся. Ну, «Я – Котовский»,

туда-сюда. Они кнопочку такую ногой прижмут...

КОТОВСКИЙ

Понятно. Отключить можно?

АФАНАСЬЕВ

Спрашивал. Горничная в электричестве – ни бельмеса. Баба!

КОТОВСКИЙ

Знакомился бы с мужиком.

АФАНАСЬЕВ

Типун тебе... А завтра, по случаю торжества, нас будут ждать наособицу.

КОТОВСКИЙ

Если будут ждать... надо идти.

4.28. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА В БОГАТОМ ДОМЕ. НОЧЬ.

Гостиная в богатом доме. Где-то в доме играет музыка. На диване беседуют три дамы лет пятидесяти, в том числе хозяйка дома – женщина.

Мужчины – хозяин дома, высокопоставленный чиновник в вицмундире со звёздами; помещик с длинными волосами и косматой бородой, из которой только блестят глаза; адвокат из числа состоятельных и рослый громогласный полковник из столицы с усами и подусниками – после званого обеда играют в карты. Исключение, естественно, составляет священник. На ножках дивана, на котором сидят дамы, стола, за которым сидят мужчины – кнопки.

АДВОКАТ

Каков херес! Восхитительное вино!

ХОЗЯИН ДОМА

Аромат каков!

ПОЛКОВНИК

Павел Викентьевич, может, вина?

Косматый помещик качает головой.

ПОМЕЩИК

Благодарю, нет. Ваше сиятельство, ну, допустим, ваши кнопки и провода

помогут, и вы изловите Котовского.
Что дальше?

ХОЗЯИН ДОМА

Конечно, я бы с удовольствием и сам повесил его на воротах, но, увы, как человек цивилизованный, буду вынужден передать его в руки полиции. Правда, итог будет один – его повесят, хотя и после суда.

ПОМЕЩИК

Если бы у меня в поместье, всё проще – можно собаками затравить. У меня чудесные волкодавы.

АДВОКАТ

В старые времена ещё в мешке в воду бросали. Недурный метод также – четвертование...

ПОЛКОВНИК

Господь с вами, четвертование применялось только для государственных преступников! Вот на кол – да, на кол уголовных сажали...

Хозяйка дома, услышав последние фразы разговора мужчин, укоризненно смотрит на мужа.

ХОЗЯЙКА ДОМА

Вольдемар, что я слышу?

ХОЗЯИН ДОМА

Господа, пожалеем нежные уши наших дам.

ПОЛКОВНИК

Гнев есть страсть греховная. И памятозлобие, сиречь мстительность, из неё же истекает. Это в продолжение нашего разговора о разбойнике и долженствующем ему наказании. Вспомните Священное писание и двух разбойников, распятых вместе со Спасителем.

ХОЗЯИН ДОМА

Полковник, адвокат у нас уже есть.
Вот он.

В комнату входит горничная с подносом, полным чашек с чаем. Полковник вдруг с хохотом тычет рукой с картами в сторону дивана, на котором сидят женщины.

ПОЛКОВНИК

Котовского хотите поймать, ваше сиятельство, а сами мышей вывести не можете! Вон, вон побежала! Под диван! Ах-ха-ха-ха!

Женщины с визгом вскакивают на диван.

Горничная с грохотом роняет посуду на пол и взлетает на ближайший стул.

Мужчины не успевают придти в себя, когда полковник выхватывает из кармана бриджей револьвер и обращается к мужчинам.

ПОЛКОВНИК

Прелестно! Теперь вы, господа! Ноги вверх! Я Котовский! Быстро!

Ошалевшие от неожиданности хозяин дома и оба гостя задирают ноги на стол.

В раскрытом окне появляются из темноты лица Берелёва, Кицеса и Руфа. Они прыгают через подоконник в гостиную.

4.29. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ШТАБ-КВАРТИРА ЭСЕРОВ. НОЧЬ.

На конспиративной квартире эсеров на столе лежат деньги и ценности, полученные при последнем налёте Котовского.

У стола стоят Дорончан и Пушкарёв с Котовским.

ПУШКАРЁВ

Значит, так и задрали ноги?
Представляю картину!

Пушкарёв и Дорончан хохочут. Дорончан серьёзнееет.

ДОРОНЧАН

Григорий, вы имеет право знать, на что пойдут эти деньги. Не раскрывая деталей, могу сказать – готовится съезд нашей партии, это потребует средств. Кроме того, деньги нужны на издание нашей газеты. Есть другие расходы...

КОТОВСКИЙ

Это неважно. Моё дело принести деньги.

ПУШКАРЁВ

Вы несколько упрощаете, хотя...

Звонок в дверь. Все трое умолкают. Дорончан идёт открывать дверь и возвращается с до крайности возбуждённым Вайнером.

ВАЙНЕР

Поздравляю! Поздравляю всех вас!!!

ПУШКАРЁВ

Что случилось? Отчего такое возбуждение?

ВАЙНЕР

Сегодня в Петербурге убит Столыпин!
Взорван на даче!

ПУШКАРЁВ

Вы наверное узнали?

ВАЙНЕР

Двадцать человек убитых!

ДОРОНЧАН

Кто?

ВАЙНЕР

Максималисты! Они молодцы! На своём настояли!

Эсеры в экстатическом восторге бросаются обнимать друг друга.

Котовский молча смотрит на их бурную радость.

Заметив брезгливость в глазах Григория, Дорончан прерывает восторги.

ДОРОНЧАН

Григорий, вы не представляете, сколько радости вызовет это событие в обществе. У людей нет, понимаете, нет других средств показать властям, что необходимы перемены. Не вы один даёте нам деньги. И вы представить себе не можете, какие

фигуры оказывают содействие нашей борьбе. Какие фигуры! Этот тот священный случай, когда кровь вызывает радость!

КОТОВСКИЙ

Вы похожи на упырей.

Эсеры замирают как от пощёчины.

Котовский неторопливо выходит из комнаты.

4.30. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ. ДЕНЬ.

Зильберг и Левендаль стоят посреди кабинета.

ЗИЛЬБЕРГ

Премьер-министр чудом остался жив.
Его дочь изувечена.

ЛЕВЕНДАЛЬ

В любом случае нам это покушение ещё отольётся. Представляю восторг нашего местного революционного сброда.

ЗИЛЬБЕРГ

Тоже захотят убить какого-нибудь чиновника.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Или жандарма.

ЗИЛЬБЕРГ

Тоже неплохо. О последнем ограблении Котовского. Он действовал от имени эсеров. Деньги брал на нужды революции. Стакнулись они. Его безумный авантюризм в сочетании с революционно идеей, это...

ЛЕВЕНДАЛЬ

Господи помилуй.

4.31. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ШТАБ-КВАРТИРА ЭСЕРОВ. НОЧЬ.

После ухода Котовского Дорончан, Пушкарёв и Вайнер некоторое время молчат.

Наконец, Дорончан прерывает молчание.

ДОРОНЧАН

Горлопан. Мы с ним ещё намучаемся.

ПУШКАРЁВ

Пока он нам полезен, придётся терпеть. Давайте к другим делам. Что с подготовкой покушения?

Дорончан достаёт из ящика письменного стола и раскладывает на обеденном столе нарисованный от руки план улиц города.

ДОРОНЧАН

Вот план центра города. Красным обозначен маршрут передвижения начальника жандармского управления фон Левендаля и капитана Зильберга. Точно в половине первого – по ним можно часы проверять – они каждый день вместе ездят обедать.

ПУШКАРЁВ

По одиночке не ездят?

ДОРОНЧАН

Скучно им по одиночке. Так вот, ездят в пролётке. Мы наблюдали их в течение двух недель – маршрут не менялся. Охраны – никакой.

Вайнер вполне хладнокровно слушает планы убийства своего бывшего друга – политика, казалось бы, лишила его всех человеческих чувств.

ВАЙНЕР

Я бы поставил двух бомбистов – тут и вот тут.

ПУШКАРЁВ

На углу скорее нужен махальщик, наблюдатель.

ДОРОНЧАН

Да, бомбиста хватит одного. Что суету устраивать?

4.32. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, НОМЕРА, КОМНАТА КОТОВСКОГО. ДЕНЬ.

Котовский в раздражении вышагивает по комнате.
Антонина накрывает чай.

КОТОВСКИЙ

Сукины дети. Никому верить нельзя.
Такие же сволочи, как и все
остальные. Социалисты, твою мать,
революционеры.

Котовский останавливается.

КОТОВСКИЙ

Интересно – я их упырями назвал,
они проглотили. Что им, по роже
было надавать? Или чего задумали?

4.33. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ШТАБ-КВАРТИРА ЭСЕРОВ. НОЧЬ.

Дорончан, Пушкарёв и Вайнер дают последние высокопарные
наставления бомбисту – бледному молодому боевику,
известному нам по попытке экса.

ДОРОНЧАН

Вы можете погибнуть от взрыва
снаряда, который сами же и бросите.
Что вы чувствуете?

БОЕВИК

Страх.

ДОРОНЧАН

Страх?

БОЕВИК

Я боюсь, что нечто непредвиденное
помешает мне исполнить свой долг.

ПУШКАРЁВ

Вы идёте на святое дело, и вам
ничто не может помешать. Ничто и
никто.

4.34. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ ЗИЛЬБЕРГА. ДЕНЬ.

Зильберг в своём кабинете брезгливо беседует с агентом
наружного наблюдения охранного отделения. Агент –
фельдфебельского типа мужчина лет тридцати, от которого

филёром несёт за версту – нафабранные усы закручены вверх, на стуле сидит абсолютно прямо, одет в костюм с галстуком, из-под брюк видны сапоги.

ЗИЛЬБЕРГ

Значит, ты был в пролётке, вроде как извозчик, и вёл наблюдение за этим?

Зильберг показывает филёру фотографию Вайнера.

АГЕНТ

Так точно.

ЗИЛЬБЕРГ

А Котовский тебя окликнул, хотел ехать?

Зильберг показывает фото Котовского.

АГЕНТ

Я отказался, мол, жду седока.

ЗИЛЬБЕРГ

Схитрил, значит. А на кой чёрт?

АГЕНТ

Чтоб не раскрываться.

Зильберг внимательно оглядывает агента с ног до мысков сапог.

ЗИЛЬБЕРГ

Маскируешься? Если б ты его повёз, хотя бы одного не упустил. Дальше.

АГЕНТ

Этот, Котовский, следил за первым.

ЗИЛЬБЕРГ

Что он делал?

АГЕНТ

Шёл за ним. Вёл секретное наблюдение.

ЗИЛЬБЕРГ

Один следил за другим? Ну, хорошо. Потом?

АГЕНТ

Потерял я их. Ушли дворами. Но из квартала не уходили, это точно. Я объехал.

ЗИЛЬБЕРГ

Могли бы знать квартиру, а знаем квартал. Спасибо тебе.

Зильберг отсутствующе смотрит на агента. Раздаётся звонок телефона. Зильберг снимает трубку. Разглядывая агента, говорит по телефону.

ЗИЛЬБЕРГ

Беседую с твоим агентом, господин ротмистр. Полный идиот. Теперь ещё и я это знаю. Витя, какой из него филёр - у него морда фельдфебельская. Хотя бы штиблеты ему выписали. Он бы ещё шпоры нацепил! Нет, благодарю, я обедаю с шефом.

Положив трубку, Зильберг без радости смотрит на агента.

ЗИЛЬБЕРГ

Слышал? И усы - ну, там, не знаю, в общем, разогни что ли, чтобы не торчали! И потом, что ты сидишь, как будто тебе штык в... в общем, согнись немного. Ходи, как все люди. Короче говоря - пошёл вон.

Снова звонит телефон. Зильберг снимает трубку.

ЗИЛЬБЕРГ

Да. Господин полковник. Иду.

4.35. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦЫ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Зильберг и Левендаль в пролётке едут в ресторан обедать.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Хороший день.

ЗИЛЬБЕРГ

Министр Плеве, вероятно, тоже об этом думал, когда в последний раз

ехал на службу. По кускам собирали.

Левендаль крестится.

ЛЕВЕНДАЛЬ

У вас странное чувство юмора,
капитан.

4.36. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦЫ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Эсеры готовы к теракту против жандармов. Всё идёт по классической схеме. На подъезде к перекрёстку стоит махальщик – одетый студентом молодой человек со свёрнутой газетой в руке.

Бомбист с тяжёлым с виду свёртком в руке ждёт на перекрёстке.

Неподалёку от перекрёстка Вайнер со стороны наблюдает за происходящим.

Пролётка с Зильбергом и Левендалем приближается к перекрёстку.

На подъезде к перекрёстку махальщик даёт знак о приближении пролётки – машет свернутой газетой.

Боевик подходит к краю тротуара, готовый бросить бомбу.

Перед ним вырастает фигура.

Бомбист поднимает голову – перед ним стоит мрачный Котовский, который нехорошо смотрит на боевика.

Боевик в ужасе опускает руки, едва не выронив бомбу.

КОТОВСКИЙ

Осторожно, взорвёшься к чёртовой
матери. Шагай впереди меня.

Они не успевают отойти – пролётка с жандармами приближается и останавливается. Зильберг тянется к кобуре револьвера – он узнал Котовского. Не разобравшись в ситуации, он торопливо говорит кучеру.

ЗИЛЬБЕРГ

Ну-ка постой. Останови! Господин
полковник, знакомого встретили.

Вайнер с ничего не выражающим лицом наблюдает за происходящим со стороны.

Когда коляска останавливается, Зильберг и Левендаль замечают рядом с Котовским бомбиста и мгновенно понимают суть происходящего.

Левендаль с ужасом смотрит на бомбу. Зильберг замирает, приподнявшись в коляске. Он и Котовский смотрят в глаза друг другу.

Котовский отворачивается и повторяет боевику.

КОТОВСКИЙ

Я же сказал – пошли.

Бомбист заморожено поворачивается и шагает по тротуару к подворотне. Котовский спокойно идёт за ним.

Зильберг медленно опускается на сиденье пролётки.

Левендаль, судорожно вздохнув, крестится.

Котовского узнаёт городской, который, явно труся, тем не менее, достаёт револьвер и собирается задержать Котовского. Котовский, не останавливаясь, кивает городскому на идущего впереди боевика.

КОТОВСКИЙ

Ку-уда? У него бомба.

Городовой шарахается в сторону и тоже крестится.

Котовский и боевик исчезают в подворотне.

Доведя боевика до набережной, Котовский молча показывает ему на воду: «Бросай».

От взрыва дрожат стёкла в домах.

Боевик вопросительно смотрит на Котовского.

Котовский так же молча кивает боевику: «Теперь пошёл отсюда».

4.37. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, РЕСТОРАН. ДЕНЬ.

Левендаль с Зильбергом молча неподвижно сидят за столом.

Перед ними – графин с водкой и тарелки с закуской.

Торопливо подошедший жандармский офицер, наклонившись, докладывает Левендалю.

ОФИЦЕР

Господин полковник, принятые меры ничего не дали. Оцепили район, всё прочесали – преступники не обнаружены. На набережной произошёл взрыв, направили наряд полиции, но тоже – никого и ничего.

Левендаль молча кивает офицеру: «Идите».

Офицер коротко кивает и выходит.

Левендаль молча кивает Зильбергу на графин.

Зильберг наливает водку по рюмкам.

Они поднимают рюмки.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Ваше здоровье, капитан.

Они опрокидывают рюмки, не закусывая.

По молчаливому знаку Левендаля Зильберг тут же наливает по второй.

Переводя дыхание после выпитой рюмки, Левендаль мрачно говорит.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Теперь у нас есть прекрасный повод
по меньшей мере год пить за своё
здоровье.

Немного пришедший в себя Левендаль поднимает глаза на Зильберга – тот по-прежнему в оцепенении. Левендаль поднимает рюмку.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Ну-ну, Алексей Дмитриевич, нельзя
же так. Всё обошлось. Давайте ещё
по одной.

Выпив, они ставят рюмки, снова игнорируя закуску. Зильберг равнодушно произносит.

ЗИЛЬБЕРГ

Водка совсем не берёт. Как вода.
После такого только спиртом
причащаться.

Пережитый шок не мешает двум жандармам начать анализировать произошедшее.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Почему они не бросили бомбу? Что,
Котовский не захотел друга убивать?
А, господин капитан?

ЗИЛЬБЕРГ

Такое невозможно – они к терактам
тщательно готовятся. Наверняка
организовали наблюдение, знали, что
мы каждый день ездим вместе. Нет,
тут что-то ещё.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Н-да, картинка – два друга детства
и бомба. Кстати, бомбу держал тот,
второй. Они странно выглядели, как
будто ссорились.

ЗИЛЬБЕРГ

Я другого не понимаю – Котовский стоял как зритель. А он никогда не был зрителем. Актёром, – только действующим лицом, актёром! Ведь такое приключение – бомбу бросить! Хотя бы и в меня! Поверьте – такое он никому бы не уступил.

ЛЕВЕНДАЛЬ

В следующий раз и бросит.

ЗИЛЬБЕРГ

Не бросит. Не успеет. Я вам говорил – и на тех, и на других мы теперь можем выйти на них с двух концов.

4.38. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ШТАБ-КВАРТИРА ЭСЕРОВ. НОЧЬ.

За столом сидят бледный молодой боевик-бомбист, Дорончан, Пушкарёв и нервничающий Вайнер.

Бомбист завершает доклад о неудавшемся покушении.

БОЕВИК

... и там он велел мне бросить бомбу в реку.

ПУШКАРЁВ

И вы бросили – не в жандармов, а в реку. Удивительная покорность. Мы подготавливаем теракт, тратим силы, время, деньги. Наконец, всё готово. Но тут появляется Котовский! И наш боевик идёт за ним, как дитя за волшебной флейтой. И бросает бомбу в реку. Скверно, товарищи.

ВАЙНЕР

Да-да. Именно. Очень, очень скверно.

ДОРОНЧАН

Вы знаете, что полагается за невыполнение приказа партии?

Бомбист молча кивает, ожидая самого худшего.

ДОРОНЧАН

Благодарите бога, что с места покушения наши товарищи ушли без потерь. В следующий раз...

ПУШКАРЁВ

Оставим пока прожекты на будущее. У нас сегодня есть головная боль, и серьёзная.

ВАЙНЕР

Я предупреждал, я говорил. Вспомните.

ДОРОНЧАН

Говорили-говорили. Что он может сделать? В полицию донести? Ерунда! Воевать с нами? Глупость какая!

ПУШКАРЁВ

Тем не менее, он стал опасен. Надо вызвать его и объясниться.

ВАЙНЕР

«Объясниться»!

Дорончан поворачивается к Вайнеру.

ДОРОНЧАН

Встретитесь с ним...

ВАЙНЕР

После того, что было?! Я не пойду!

ПУШКАРЁВ

Пойдёте. Ваш друг, вам и идти. Так вот – встретитесь с Котовским, пригласите его сюда. Если он окажется способен воспринять наши резоны, тем лучше для него. А если нет... Ну что ж, мы умеем не только бомбы рвать.

Пушкарёв поворачивается к молодому бомбисту.

ПУШКАРЁВ

А вы, мой юный друг, принесёте на эту встречу кинжал. Если потребуется, искупите свою вину

перед партией.

4.39. НАТУРА. КИШИНЁВ, КАФЕ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Вайнер и Котовского сидят в уличном кафе.

Вайнер нервозно любезен.

Котовский просто хмур и неразговорчив. Чувствуя неладное, он даёт Вайнеру достаточно длинную верёвку, чтобы тот сам на ней удавился. Время от времени он бросает на Вайнера сумрачно-ироничные взгляды, от которых тот ещё больше путается.

ВАЙНЕР

Понимаешь, они просят тебя придти. Чтобы объясниться. Что? Ты считаешь, что нам нечего объясняться? Ну вот, сам видишь, что надо. Чтобы ясность была. У тебя же свои методы борьбы, у нас – свои. Чего ты так смотришь? Вот, и чтобы нам вместе, надо договориться. А жандармы ведь и твои враги тоже. Общие наши враги. Кто знал, что там Зильберг окажется? Немец, как всегда, не к месту...

Вайнер пытается хихикнуть.

Котовский поднимает взгляд на Вайнера.

Поняв, что Григорий хочет что-то сказать, тот мгновенно умолкает.

КОТОВСКИЙ

Скажи, ты кого больше боишься – их или меня?

Вайнер потерянно молчит.

Котовский поднимается.

КОТОВСКИЙ

Хорошо, скажи – приду.

4.40. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ШТАБ-КВАРТИРА ЭСЕРОВ. НОЧЬ.

Вайнер, стоя у окна, мелко пережёвывает что-то. Дорончан расхаживает по комнате.

Пушкарёв даёт наставления молодому боевику.

ПУШКАРЁВ

Вы ждёте в соседней комнате, вон там. Держите кинжал наготове.

ДОРОНЧАН

Может, на улице?

ПУШКАРЁВ

На улице его будут ждать сообщники.

ДОРОНЧАН

Они искать станут, сюда придут.

ПУШКАРЁВ

Уйдём чёрным ходом. Всё равно пора менять квартиру. Так вот, когда я скажу: «Надеюсь, мы расстанемся друзьями», вы действуете.

Боевик качает головой.

БОЕВИК

Я должен быть здесь, когда он придёт. Если я вдруг появлюсь из другой комнаты... У него чутьё, как у зверя, я не успею ничего сделать, он нас перестреляет.

4.41. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА. ЛЕТО, НОЧЬ.

Котовский вылезает из пролётки, на козлах которой сидит Афанасьев.

АФАНАСЬЕВ

Может, мне с тобой пойти, от греха?

КОТОВСКИЙ

Ещё чего не было - охранять меня. Пугливый ты больно.

АФАНАСЬЕВ

Гнилого болота и чёрт боится.

Подняв взгляд, Котовский видит, как дёргается занавеска в окне на третьем этаже.

КОТОВСКИЙ

Ладно, чёртушка. Вон, стоят, смотрят. Давай отсюда, а то

подумают, что я их испугался,
оставил тебя ждать. Езжай, тебе
говорят!

АФАНАСЬЕВ

Ну, смотри. Хозяин – барин, атаман
– командир.

Обиженный Афанасьев дёргает вожжи и отъезжает.
Котовский идёт в подворотню.

4.42. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ШТАБ-КВАРТИРА ЭСЕРОВ. НОЧЬ.

Котовский свободно и неподвижно сидит на стуле спиной к
центру комнаты – он намеренно сел самым уязвимым способом,
чтобы ни в коем случае не показать своей боязни.

Боевик изображает раскаяние – он нервно расхаживает по
комнате, чтобы иметь возможность мотивированно зайти
Котовскому за спину.

Вайнер, Дорончан и Пушкарёв сидят на стульях.

ПУШКАРЁВ

Мы готовы принести вам свои
извинения. Это позор для боевой
организации, когда один из её
членов предпринимает действия без
прямого приказа руководства. В его
отношении будут приняты самые
суровые меры.

Котовский с непроницаемым лицом слушает эсеров, переводя
взгляд с одного на другого и изредка бросая спокойные
взгляды на боевика.

ПУШКАРЁВ

Вместе с тем, вы должны понимать,
что индивидуальный террор – то
средство, которым мы прокладываем
дорогу революции, которым мы
бреемся против нашего врага.

Эсеры ждут от Котовского хотя бы какой-то реакции, но он
молча наблюдает за ними. Ситуация заходит в тупик.

ПУШКАРЁВ

Будем откровенны – от этого
средства мы никогда не откажемся.
Если не готовы с этим смириться –
вам придётся делать выбор. Если вы

захотите уйти...

Котовский молчит, не пользуясь оставленной для него паузой. Боевик постепенно смещается и оказывается у Котовского за спиной.

Котовский не проявляет явных признаков беспокойства, наоборот, он ещё больше расслабляется.

ПУШКАРЁВ

...тогда, надеюсь, мы расстанемся
друзьями.

Боевик за спиной Котовского делает движение рукой, и у него из рукава появляется кинжал. Он делает крадущийся шаг к Котовскому.

Котовский поворачивает голову и с любопытством смотрит в глаза Вайнеру.

У Вайнера на лбу выступают капли пота.

От грохота ударов в дверь все вздрагивают.

Из-за входной двери доносятся глухие крики.

ГОЛОСА

Полиция! Откройте!

Дверь сотрясается от ударов, но не поддаётся.

Котовский остаётся сидеть на месте, с любопытством следя за эсерами.

Эсеры мечутся по квартире, хотя и без особой паники, пытаясь найти пути отхода. Дорончан бросается к кухне.

ДОРОНЧАН

Черный ход!

ПУШКАРЁВ

Там наверняка ждут.

Боевик достаёт револьвер и идёт к входной двери.

Вайнер подбегает к окну.

ВАЙНЕР

Во дворе – жандармы.

ДОРОНЧАН

Может, крышами?

ПУШКАРЁВ

Два этажа лететь.

От двери грохают выстрелы – боевик стреляет через филёнку. Удары снаружи стихают, но тут же раздаются ответные выстрелы с лестницы.

Котовский неторопливо встаёт и берёт стул за спинку. Размахнувшись, он ударом стула вышибает окно вместе с рамой. Встав на подоконник, Котовский примеривается и прыгает вниз. Пролетев два этажа, он приземляется на скат крыши одноэтажной пристройки и падает. Перекатившись и поднявшись на ноги, он, прихрамывая, убегает по крыше на глазах у эсеров.

Входная дверь трещит. От выстрела с лестницы сквозь дверь падает боевик.

ВАЙНЕР

Пустите!

Оттолкнув товарищей по партии, Вайнер тоже врывается на подоконник, но не может заставить себя прыгнуть вниз. Через несколько секунд уже оказывается поздно – руки полицейских затаскивают его внутрь.

4.43. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ ЗИЛЬБЕРГА. НОЧЬ.

Зильберг, заложив руки в карманы бриджей и покачиваясь с пятки на носок посреди своего кабинета, с весёлым любопытством разглядывает сидящего на стуле арестованного Вайнера.

ЗИЛЬБЕРГ

Слушай, а ты всё такой же толстый! А говорят – у революционеров жизнь тяжёлая. Я в розыском деле читал описание и не верил, всё думал – ты или нет? Знаешь, я как глаза закрою, вспомню всех наших. Прямо как сейчас: Симпатик, красавец, в зеркало смотрится; Гришка дерётся с кем-нибудь; а ты – жуёшь. Ты же всё время что-нибудь трескал! И сейчас – наверное, тоже всё подряд лопаешь? Пузо-то – вон какое!

ВАЙНЕР

Это у меня от нервов.

Зильберг хохочет.

ЗИЛЬБЕРГ

Интересное дело, у меня от нервов язва, а у тебя щеки вон – со спины видно! Эти политические, с вами никогда скучно не бывает! Дай, гляну, видно щёки или нет? Ну, дай, дай!

Зильберг обходит сидящего на стуле Вайнера. Тот обиженно отмахивается головой. Но Зильберг ловит его затылок сзади ладонями.

ВАЙНЕР

Прекрати, что ты как маленький!

ЗИЛЬБЕРГ

Видно, видно! Вон, торчат, щёки-то! А розовые какие! Во, наел физиономию, господин социалист-революционер!

ВАЙНЕР

Очень смешно.

Зильберг неожиданно серьёзнееет и отпускает голову Вайнера. Скучным голосом он соглашается.

ЗИЛЬБЕРГ

Да уж, смешного мало. Почти и нет ничего смешного-то. Такие вот дела.

У Вайнера садится голос – разговор свернул к серьёзному – но остаётся спокойным.

ВАЙНЕР

Это какие ж дела?

ЗИЛЬБЕРГ

Да вот такие. Сам знаешь, сколько за тобой числится. И что за это полагается.

ВАЙНЕР

Знаю. И готов к этому. Видишь ли, когда каждый день думаешь о смерти, воспринимаешь её как неизбежность – со временем привыкаешь. И напугать уже очень трудно. Даже нельзя напугать.

ЗИЛЬБЕРГ

Да? Вероятно. Хотя я думаю, напугать всё-таки можно. Мы к этой теме ещё вернёмся в своё время. Сейчас о другом. Ты, Желудок, неверно оцениваешь моё влияние. А ведь я могу тебя освободить.

ВАЙНЕР

Каким образом?

ЗИЛЬБЕРГ

Просто – отпустить.

ВАЙНЕР

Немец, говори прямо. Ты ведь меня так просто не отпустишь. Ты взамен что-нибудь потребуешь. Не ради же дружбы.

Зильберг на мгновение ощеривается.

ЗИЛЬБЕРГ

После того, как вы с другом Гришей меня взорвать хотели – после этого ради дружбы, конечно, не получится.

ВАЙНЕР

Ну, вот, видишь. Что тебе нужно?

ЗИЛЬБЕРГ

Мне нужен Берёза.

ВАЙНЕР

Не понимаю.

ЗИЛЬБЕРГ

Понимаешь. Всё ты понимаешь. Гриша мне нужен, Котовский. Чтобы ты мне его сдал. И ты мне его сдашь.

Зильберг светло и ясно смотрит на Вайнера.
Вайнер напряжённо – на Зильберга.

4.44. НАТУРА. БЕССАРАВИЯ, СТЕПЬ У ХУТОРА. ЗИМА. ДЕНЬ.

Ч/б.

Титр: «Станция Берёзовка. Март 1918 года»

В пустой комнате – судя по бумагам на полу и пишущей машинке и телефону на столе служившей штабом – за столом сидит Котовский. Он молча смотрит перед собой.

В комнату, гремя сапогами, входят трое – чахоточно-революционного вида представитель штаба в ремнях и портупях и два сопровождающих с винтовками. Представитель штаба сразу начинает говорить с Котовским с нажимом.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШТАБА

Товарищ Котовский, вы намерены подчиняться штабу? Вам приказано отвести свой отряд из района Одессы к Елизаветграду.

Котовский молча поднимает взгляд на вошедших. Не дождавшись реакции, штабной продолжает.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШТАБА

Что происходит?

КОТОВСКИЙ

Из Бессарабии нас вышибли. Теперь от Одессы мотаем?

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШТАБА

Постройте отряд, я хочу обратиться к бойцам.

КОТОВСКИЙ

Отряд? А я его распустил.

Представитель штаба молча пытается осмыслить сказанное Котовским. Котовский устало-брезгливо разглядывает штабного.

КОТОВСКИЙ

Что вы все пыжиться? Робеспьеры штабные. Столько народу положили. Теперь драпаем.

Штабной тянет руку к кобуре маузера. Котовский равнодушно следит за его судорогами. Штабной замедляет движения, поправляет кобуру и оставляет оружие в покое.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШТАБА

Вам надо научиться отступать, товарищ Котовский.

КОТОВСКИЙ

Это точно. Отступать я не умею.
Отступать и сдаваться.

Котовский неторопливо встаёт, надевает фуражку и выходит.
Потоптавшись, штабной кричит Котовскому вслед.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШТАБА
А если я скажу в штабе – отпуск
вам? По болезни? Скажу – испанка?

Не дождавшись ответа, штабной заключает.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШТАБА
Пусть будет испанка.

КОНЕЦ 4 СЕРИИ